

НОРМЫ НАУКИ И ФИЛОСОФИЯ АРИСТОТЕЛЯ. ПАРАДОКСЫ ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЖЕННОСТИ

NORMS OF SCIENCE AND PHILOSOPHY OF ARISTOTLE. PARADOXES OF LINGUISTIC EXPRESSION

A. Atanov
O. Zvereva

Summary: The article is an attempt to describe the problem of the influence of linguistic description on processes occurring. The philosophy of Aristotle and Hegel serves as a methodological basis. How to deal with reality, not with language? We dare to suggest that the development of science is held back, among other things, because of the habit of linguistic patterns, which are not always an adequate way and means of expressing science, including scientific facts.

Keywords: language, logic, norms of science, Aristotle, philosophy.

Атанов Андрей Алексеевич

доктор философских наук, проректор по учебной работе,
Байкальский государственный университет, (г. Иркутск)

atanovaa@bgu.ru

Зверева Ольга Юрьевна

старший преподаватель кафедры философии и
искусствознания, Байкальский государственный
университет, (г. Иркутск)

zverevaou@bgu.ru

Так Кун определяет «нормальную науку» как исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности. «...Общепринятые примеры практической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, – все в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования» [1]. Из определений Т. Куна можно извлечь смысловую структуру, дающую возможность определить понятия «нормальная наука» и «парадигма»: 1) структурирование происходит в рамках исторического процесса развития науки, но рассматривается при этом как отнесенное к прошлому; 2) признание того или иного научного достижения происходит определенным научным сообществом; 3) «нормальная наука» тесно связана с практикой; 4) практика в методологической реконструкции переводится в модель; 5) из модели возникают конкретные традиции научного исследования.

Отсюда следует, что норма в науке: исторична, практичесна, модельна, традиционна и определена, норма является процессуальной, но при этом приведенной к единому основанию. Если внимательно посмотреть на то, что предлагает Т. Кун возникает ряд вопросов.

История науки и история развития науки, опирающиеся на прошлые научные достижения, вряд ли могут

быть отнесены к науке, так как время в данном контексте оказывается не объективным, или субъективным, а социальным, определяемым не данностью (или действительностью) как таковой, а только через точки фиксации и привязки, то есть новое не появляется вне старого, то есть все возможные смыслы привязаны к норме. А как мы знаем зачастую научные открытия не имеют никакого отношения к предшествующей им норме.

Не совсем понятно, с чем связана тема определенного научного сообщества, и что это такое. По этой логике, видимо, бывает и неопределенное научное сообщество. Чем одно отличается от другого совершенно непонятно, из текста Т. Куна ничего не следует.

Смущает еще и аспект практичесности научной нормы. Благодаря интеллектуальному поиску собираются факты и это результат познавательной деятельности, почему познание затем становится практической деятельностью непонятно, в том числе, и по причине непрописанного движения понятий, которые не выделены ни в смысле, ни в значении. Ведь критерии практики и познания не совпадают. Причем речь идет о научном познании и о науке, ведь практика в науке предельно специфична и ведет прямой дорогой к экспериментальной науке. Как в ситуацию познания без выделенных фактов вписывается оборудование и каким критериям оно должно соответствовать – большой вопрос.

Следующий вопрос: как практика методологически может переходить в модель? Снова понятийная неопре-

деленность и возникает следующий резонный вопрос – почему модель? Ведь модель – это всегда упрощение. То есть традиции научного исследования – это упрощенная система научного исследования, сведенная не просто к моделям, а к еще более простой форме – традициям. Тогда «нормальная» наука – наука упрощений. Именно по этой причине она не создает возможностей для нового качества познания, то есть уже в процессе научного познания возникает необходимость в отказе от норм с целью перехода к новому качеству познания.

Для проведения анализа понятия «норма» необходимо найти сферу определенности в человеческом опыте, поскольку Т. Кун не говорит обо всем научном сообществе, а только об определенном. Сохранение преемственности традиций или новизна данности в системе знания по поводу изучаемого объекта выражает в методологическом плане еще одну градацию значений. Выполнение такого рода методологических установок позволяет преодолеть некоторую неполноту знания, оформленного через критерии научного знания: верификационный, фальсификационный, парадигмальный. Гегель считает, что идея вырабатывается за пределами данной науки, она лежит в основе исходных положений этой науки, доказательство которых средствами данной науки невозможно. Аргументируя это положение и говоря о философии и науке, Гегель указывает, что предпосылки (основы) науки (теории) не абсолютны: по его мнению, только в философии предпосылки абсолютно достоверны. Ограниченност же основы научного построения преодолевается в ходе дальнейшего развития самой теории, что действительно и для философии. Если мы применим терминологию И. Лакатоса, то можно сказать, что любая наука должна спускаться в «обосновательный слой». Гегель, используя эти особенные основания философии, определяет основание процесса познания посредством его методологического выражения в отношении нового предмета, данного в исследовательской модели. В «Науке логики» Гегель отмечает следующее: «При новой основе, образуемой результатом как ставшим отныне предметом, метод остается тем же, что и в предыдущем предмете. Различие касается лишь отношения основы как таковой, правда, она и теперь основа, однако ее непосредственность есть лишь форма, так как она была в то же время результатом, поэтому ее определенность как содержание есть теперь уже не нечто просто принятное, а нечто выведенное и доказанное» [4]. Классическая философская методология позволяет «снять» противоречия науки и философии посредством введения единого основания исследования, поэтому в нашем исследовании мы будем верны этому логически безупречно обоснованному замечанию Гегеля, которое может быть рассмотрено как принцип философской методологии. В контексте нашей статьи появляется возможность применить филосовскую методологию к решению задач науки. Обратим внимание, что в системе Гегеля основа связана с непо-

средственностью, а непосредственность есть форма. Поэтому методологически постараемся прописать основу и связанные с ней смыслы.

Для решения задач науки возьмем для примера очень старую, созданную Аристотелем, философскую систему и попытаемся выделить присущие ей смыслы, хотя бы в самой общей форме. Почему наш выбор пал на Аристотеля, можем объяснить. В истории философской мысли существуют всего две классических философии – античная и немецкая. Между ними временной промежуток, если мы берем их начало, более двух тысячелетий. Классическая философия характеризуется определенностью формы, значений и проблем, она представляет не просто филосовскую систему, а четко зафиксированную традицию философской мысли. В классической философии всегда присутствует четкая связь между принципами, законами, категориями и понятиями. В методологическом плане классическая философия обладает большой четкостью и определенностью, поэтому она очень благодатная область для проведения анализа. Но необходимо иметь в виду следующее: для античной культуры характерно, что она отдает приоритет живой беседе, а не написанной речи. Негативное отношение к написанному тексту – характерная черта античной традиции. Изменения в отношении к книге относятся к эллинистической культуре, в ней книга становится объектом почитания. Соотнесение устного и письменного текста в особой форме произведения – характерная черта греческой философии.

Мы рассмотрим только систему категорий Аристотеля и сделаем из нее соответствующие выводы. В методическом плане такой анализ приложим к любой другой философской системе, относимой не только к античной традиции.

Философия по своему выражению всегда связана с языком, поэтому философская определенность требует и четкой фиксации языковой определенности в той степени, в какой она относится к полю выражаемого смысла. Лексический, семантический, культурологический анализ очень важны, так как помогают выразить возможную дифференциацию смысла. Аристотель использует десять категорий. Необходимо иметь в виду, что при переводе некоторые русские термины, соответствующие категориям Аристотеля, гораздо ближе к латинским, а не греческим терминам, это же относится к выражаемым ими значениям. Здесь мы не можем привести греческие формы категорий (из-за сложностей написания и тирографирования). Но анализ Аристотеля без греческой терминологической базы невозможен, поэтому необходимо дать смысловое содержание соответствующих греческих терминов. Вот список категорий Аристотеля:

1. Сущность. (Субстанция).
2. Количество.

3. Качество.
4. Отношение. (Соотнесенное).
5. Где? (Место).
6. Когда? (Время).
7. Положение.
8. Обладание. (Состояние).
9. Действие.
10. Претерпевание. (Страдание).

Аристотель считает, что эти категории представляют высшие сущности объективного бытия. В виде категорий у Аристотеля перечислены в определенном порядке все формы сказуемого, которые встречаются в простом предложении древнегреческого языка. Термин «*kategoría*» значит «сказуемое», он возникает как производная форма от глагола, означающего «сказывать», «высказывать», «означать».

Аристотель предваряет список категорий следующими умозаключениями: «Одни слова говорятся в связи, другие без связи. Одни в связи, как, например: человек бежит, человек побеждает; другие без связи, как: человек, бык, бежит, побеждает... Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество...» [1]. Список категорий представляет перечень предикатов-сказуемых, извлеченных из предложений как формы их непосредственной данности, и тем самым абстрагированных и обобщенных. Разберем категории в их общей форме.

1. Первая категория, единственная в своем роде названная таким способом. Ее имя абстрактное существительное, образованное от основы причастия глагола «быть», «сущее», «существующее». Эта категория отвечает на вопрос «Что?», Аристотель в другом месте дополняет этот вопрос вопросом «Что есть?», буквально «что есть, чем является».
2. Местоименное прилагательное «в каком-нибудь количестве».
3. Местоименное прилагательное «какое-нибудь».
4. «В каком-нибудь отношении» местоимение с предлогом. В четвертой категории, как и в первой категории, форма совпадает с вопросительной, то есть форму здесь можно считать либо непосредственной формой «в каком отношении», либо формой косвенного вопроса «в каком отношении?». Аристотель в качестве примеров этой категории приводит прилагательные различных степеней. Примеры: «большее», «меньшее», «половинное».
5. «Где?». Местоименное наречие в вопросительной форме.
6. «Когда?». Местоименное наречие или в вопросительной форме, или в неопределенной форме «когда-нибудь». Различие нейтрализуется в форме косвенного вопроса.
7. «В каком-нибудь положении». Глагол в форме инфинитива среднего залога «лежать, находиться в

- каком-нибудь положении».
8. «В каком-нибудь состоянии». Глагол в форме инфинитива «находиться в каком-нибудь состоянии; иметь, иметься». В качестве примеров Аристотель использует глаголы третьего лица единственного числа перфекта среднего залога. Примеры: «обут», «одет», «собран», «вооружен».
9. «Делать, действовать». Глагол в форме инфинитива «делать». Примеры Аристотеля: глаголы третьего лица единственного числа настоящего времени активного залога «режет», «жжет».
10. «Претерпевать, подвергаться действию». Глагол в форме инфинитива «претерпевать, страдать». Примеры: глаголы третьего лица настоящего времени пассивного (страдательного) залога, «он разрезается» (его режут), «он сжигается» (его жгут).

Аристотель считал, что лишь существительное является адекватной формой для выражения понятия, но единственная категория, которая у него имеет форму существительного, – «сущность». Наименование остальных категорий производится Аристотелем как отдаляющее их от наименования «сущности». Именование категорий через вопрос – вообще не именование, так как «вопрос» – это не «имя». Из этого можно сделать вывод, что категории Аристотеля располагаются в семантическом плане гораздо выше «имен», категории предшествуют именам, как некая нулевая область значения, которая является переходом для возникновения всех возможных значений. Категории философии – это категории не действительности (человеческой), а того, что надстоит над действительностью, будучи по своей природе общностью более высокого порядка (вполне возможно не включающей в себя человека). При таком подходе смущает, то, что категории Аристотелем сконструированы средствами языка и выражают языковую реальность.

В этом контексте возникает сложность. Как можно определить языковую данность и понять на что она указывает? Причем непонятно насколько действительна сама языковая реальность. Ведь даже в функционировании обыденного языка, существуют его носители, которые совершенного некорректно используют даже язык речи, не говоря о системе указаний на реальность. То есть сам по себе язык вмещает как истинные, так и ложные понятия, суждения и умозаключения и качественно разноплановых носителей. Можно предположить, что хорошо реализованный принцип реальности манифестируется, в том числе и в языке. Но тогда все возможные основания скрыты в реальности, а не языке. Возвращаясь к Аристотелю, можно предположить, что он старается раскрыть именно реальность и действительность, но все остальные видят языковую категориальную сетку, то есть систему Аристотеля слишком личностна, и большой вопрос, что Аристотель имел в виду. Обратим внимание и на то, что категории Аристотеля указывают на область именно зна-

чений, а не реальности и действительности. Значения же им используются преимущественно языковые.

Автор «Словаря Аристотеля» Г. Бонитц (Bonitz) справедливо указывает, что полностью обследовать использование Аристотелем термина «сущность» значило бы изложить всю философию Аристотеля. Проведя анализ термина «сущность», мы сможем вернуться к системе категорий Аристотеля, но, с другой стороны, и с позиций иного смысла. Обратим внимание, что мы снова заходим в область смыслов, а не реальности. Последуем далее за Аристотелем.

Аристотель в «Категориях» разделяет сущности на «первичные» и «вторичные»

Первые сущности – это индивиды или объекты, первая сущность «не сказывается ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем», – это отдельные люди, отдельные лошади и т.д. Подлежащее Аристотель употребляет в совершенно современном значении этого слова: 1) «не сказывается ни о каком подлежащем» – это субъект высказывания; 2) «не находится ни в каком подлежащем» – это субстрат, в том числе, и как грамматическое и логическое подлежащее. Обратим внимание, что речь снова идет о языковых конструкциях, но ключевое качество конструкции здесь – отдельность, а это подразумевает уже не языковую определенность, так как сам язык терминологически отделяется, а не определяется. Если говорить на уровне обобщенных конструктов, то базовым понятием оказывается не просто сущность, а сущность в отделении или в выделении – мы переходим к избирательному действию и в системе определений, как результат строится аналитическое понятие, но только в том случае если нами в процессе следования за реальностью, сохраняется отдельность.

Вторые сущности – это роды и виды, «вторичными сущностями называются те, в которых, как в видах, заключаются сущности, называемые так в первую очередь, как эти виды, так и обнимающие их роды; так, например, определенный человек заключается как в виде, в человеке, а родом для этого вида является живое существо». Вторые сущности последовательным включением подводятся под видовые, потом под родовые и, наконец, в род «сущность», который становится категорией «сущность». Здесь создаются аналитические и синтетические последовательности языка, указывающие на логические понятия, а не на качественные определенности реальности.

Аристотель при помощи первых и вторых сущностей создает свою иерархию бытия. Первые сущности обладают наибольшим бытием: «...если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать ничего другого». Вторые сущности обладают той степенью бы-

тия, которую можно определить только посредством отнесения к первым сущностям: «Из вторых сущностей вид в большей мере сущность, чем род: он ближе к первой сущности». В системе Аристотеля сущность и бытие лишь коррелируются. Причем, бытие почему-то оказывается предикатом. То есть отдельное и есть полноценно существующее, в этом контексте бытие проявляется в основании отделения, то есть оно проскальзывает и проходит, и приходит с отделением.

Второе свое учение о сущности Аристотель разрабатывает в «Метафизике». «Итак, получается, что о сущности говорится в двух основных значениях: в смысле последнего субстрата, который уже не сказывается ни о чем другом, и в смысле того, что, будучи определенным нечто, может быть отделено <от материи только мысленно>, а таковы образ, или форма, каждой вещи». Далее Аристотель указывает: «Формой я называю суть бытия каждой вещи и ее первую сущность». Аристотель показывает, что «первая сущность», уже нечто иное, чем в «Категориях». Для отдельных вещей сущность – это непосредственное единство материи и формы. В логическом плане это означает, что мы получаем онтологическое основание для выражения сущности, которое не сводится ни к материи, ни к форме, будучи качественно иной природы. Несколько смущает терминологически «суть бытия каждой вещи», но, если мы вспомним, про уже проработанную нами отдельность, все становится на свои места. Не определена только отдельность.

Через введение категории формы иерархия бытия первых и вторых сущностей нарушается, происходит вхождение в мир того, что не может быть объяснено как отдельное существо, объект, род и вид – возникает суть бытия. Обратим внимание еще и на тот факт, что форма может быть и образом. Сущность приобретает форму, которая и позволяет говорить о своеобразном «истечении» категорий. Сущность, из глагола ставшая подлежащим, указывает на «неподвижное движение», которое не имеет ничего общего с вещами, субъектами высказывания, субстратами и реальными процессами – примеру «последний субстрат» дополненное «определенным нечто». Все, о чем мы пишем, это смысловые формы русского языка, базовая рекомендация перейти на древнегреческий, но это не решает проблему, так как значения даже древнегреческого языка будут связаны с современным миром, задача заключается не в построении системы временных значений, а в попадании в место «последнего субстрата».

С другой стороны, этим определением сущности Аристотель преодолевает натурализм греческой философии, создавая общность иных смыслов. Если мы в таком ключе будем определять систему категорий Аристотеля, то совершенно понятным станет рождение немецкой классической философии, которая строится на

совершенно иных категориальных основаниях, чем античная, но вместе с тем, как область знания и познания относится к смысловому полю философии, взятой «вообще». Аристотелем создано единое поле смысла, которое предполагает качественные отличия и различия форм, причем взятые исключительно в языковой форме. Манифестиация языка и языковой данности знаменует новое качество, только возникает вопрос, новое качество чего?

Проведя анализ категорий Аристотеля, мы разобрали и выделили только методологическую функцию системы Аристотеля; задача заключается и в том, чтобы определить мировоззренческую функцию этого учения, а это невозможно, если мы не создадим смысловое поле античной философии как системы мировоззрения. Общность в философии, как в типе, строится не только методологически, но и мировоззренчески, что подразумевает наличие нового качества философской системы, которое входит в нее как основание. Что мы отметили в начале нашей статьи.

Базовым в мировоззрении может стать любое основание, но, если мы говорим о классической античной философии, это основание будет единственным. Г.В.Ф. Гегель совершенно верно называет античность «классической художественной формой», в этой форме выражается полная взаимоприспособленность «идеи» и «реальности». «Эта форма, которая имеет при себе самой идею в качестве духовной и именно индивидуально-определенной духовности, когда она должна вскрыть себя во временное явление, есть человеческая форма». «...В ней впервые внутреннее и духовное приходят к явлению в своем вечном покое и существенной самостоятельности. Этому покоя и единству с собой соответствует только такое внешнее, которое само еще пребывает в этом единстве и покое. Это и есть форма в ее абстрактной пространственности». Такая организация действительности не может быть раскрыта только при помощи методологии, само ее основание присутствует именно как возможность оформления и организации, поэтому любая философская система есть единство мировоззрения и методологии, которые должны быть определены.

Возникает резонный вопрос: а что с наукой? Можно ли в ней найти мировоззренческие основания если мы сделаем отсылку к философской системе Аристотеля. Кроме того, если адекватно подойти к тому, что создал Аристотель, то мы можем заметить, что на самом деле речь идет о структурах языка, которые отнесены к внешним явлениям, и при проведении анализа существует четкая привязка к языку, а не к внешне задаваемой последовательности. То есть речь идет не об определении, а о следовании в соответствии с языковой определенностью, то есть речь идет даже не о субъективной логике, а о языковой положенности. В какой степени язык позво-

ляет определить внешние явления большой вопрос, так как говоря на языке Аристотеля, сущность оказывается и языковой, и предметной. Тогда задача состоит в том, чтобы средствами языка освободиться от языковой сущности, чтобы категории оказались выражающими данность, а не языковую определенность. Даже движение сущности, из глагола становящейся подлежащим, все равно говорит о языковой данности. Тезис, что таким образом преодолевается натурализм греческой философии достаточно зыбок, вместо натурализма мы получаем языковую форму, указывающую на натуру, но возникает вопрос указываем ли мы на натуру, или указываем на язык и на себя, тогда в той же системе Аристотеля мы включены не в объективное время (хотя, что это такое большой вопрос), а во время прошлого языкового опыта. То есть исчезает полноценная категориальная определенность, мы ссылаемся на уже сложившуюся логику и определенность языка. Не случайно Гегель говорит о временном явлении и человеческой форме. Аристотель и вводит категорию формы, но эта форма человеческая. Аристотель – гений. Но, в его системе мы не можем говорить об объектах, объекты все равно будут даваться в человеческой форме. То, что Аристотель это фиксирует, является гигантским открытием, в науке (особенно в естественных науках) проблему описания решили при помощи математики, но математическая определенность не отражает в человеческом опыте ничего другого, кроме математической определенности, невозможно сказать, что это. Если мы говорим и называем, мы уже в системе Аристотеля. На уровне гипотезы можно предположить, что может быть стоит убирать сложившуюся языковую форму и переходить к понятию как таковому. К понятию данности, а не к понятию познания. Или просто к самой данности. Как это сделать? Если мы буквально заполнены формами, абсолютно фантазийными по содержанию.

Обратим внимание, как лидерские качества описываются психологами, характеристики не объективированы, то есть работает привычная для нас языковая традиция. «1. Коммуникабельность, понимаемая как доброжелательный интерес к людям, готовность к сотрудничеству, подкрепленная навыками эффективной коммуникации. 2. Саморегуляция – способность контролировать, регулировать свои мысли, эмоции и поведение с целью достижения поставленных профессиональных целей, связанная с осознанием своих эмоций, управлением вниманием, определением приоритетов и планированием деятельности. 3. Самомотивация, определяемая как способность осуществлять постановку целей и определять алгоритмы их достижения, справляться с проблемами и приступать к их решению, а также умение разделить большую работу на несколько мелких задач. 4. Эмпатия – умение ставить себя на место другого, учитывать чувства и эмоции других людей при принятии решений» [7].

Можно обратить внимание и на такую форму описания. «К примеру, если стремление к проявлению превосходства остается неудовлетворенным, можно наблюдать

возникновение внутреннего напряжения и тревожности, что проявляется во внешней подозрительности и враждебности, иногда – агрессии» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Логика и методология науки. Структура научных революций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/tomas_kun.pdf, свободный (дата обращения: 10.06.2025).
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/gegel_fridrih/nauka_logiki.html, свободный (дата обращения: 10.06.2025).
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.ru/FILOSOF/GEGEL/fenomen.txt> (дата обращения: 10.06.2025).
4. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы [Электронный ресурс]. – М.: Наука, 1967. – 152 с. – Режим доступа: <https://ikfia.usn.ru/wp-content/uploads/2018/01/Lakatos1967ru.pdf>, свободный (дата обращения: 10.06.2025).
5. Аристотель Категории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>, свободный (дата обращения: 10.06.2025).
6. Аристотель Метафизика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html, свободный (дата обращения: 10.06.2025)
7. Синёва О.В. Развитие лидерских качеств у руководителей в процессе психологического консультирования / О.В. Синёва, Е.В. Зимина, О.П. Михайлова. – DOI 10.17150/2411–6262.2025.16(1).375–385. – EDN NVSMHS // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 1. – С. 375–385.
8. Кожевина А.П. Взаимосвязь волевой организации личности и доминирующих эмоций у сотрудников служебной деятельности / А.П. Кожевина. – DOI 10.17150/2411–6262.2025.16(1).400–407. – EDN SHDUAP // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 1. – С. 400–407.

© Атанов Андрей Алексеевич (atanovaa@bgu.ru), Зверева Ольга Юрьевна (zverevaou@bgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»